

84(2Рос=Рус)6

К 4-48

Павел Черкашин

ПОД
ЧУЖИМИ ЗВЁЗДАМИ
КАВКАЗА

Павел Черкашин

ПОД ЧУЖИМИ ЗВЁЗДАМИ КАВКАЗА

Стихи и
автобиографическое эссе

Посвящается 200-летию милиции России

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека	обяза- тельный экз. ХМАО
--	-----------------------------------

Ханты-Мансийск
ГУИПП «Полиграфист»
2002

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека

КО

К Р₂
ББК 84(2Рос=Рус)6-5 ✓
Ч-48

Черкашин П.Р.

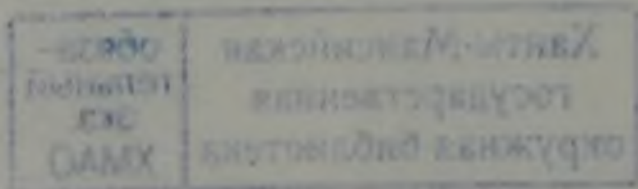
Ч-48 **Под чужими звёздами Кавказа: Стихи и автобиографическое эссе.** – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. – 28 с.

Фото П.Р. Черкашина

(На обложке фотография здания бывшей школы для глухонемых детей, в котором дислоцировался временный отдел внутренних дел Октябрьского района г. Грозного. Снимок 2000 года).

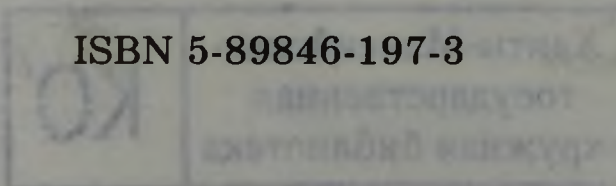
В новую книгу Павла Черкашина – ветерана боевых действий на Северном Кавказе — вошли произведения, написанные им как во время нахождения в Чеченской Республике, так и после возвращения из зоны боевых действий.

Издание осуществлено на средства автора.

ISBN 5-89846-197-3

© П.Р. Черкашин, 2002
© ГУИПП «Полиграфист»,
оформление, 2002

Чеченская Республика, Ханкала, март 2002 года

ОБ АВТОРЕ

Павел Черкашин родился в 1972 году в селе Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Неоднократный участник семинаров молодых литераторов. Член Союза журналистов России. Его стихи, очерки и рассказы печатались на страницах многих окружных и областных газет, а также в центральной российской периодике.

Павел Черкашин – автор книги прозы «Анастасия», сборников стихов «Память детства» и «Межсезонье», соавтор коллективного сборника стихотворений поэтов Тюменской области «Очертания основ», коллективного сборника литературного творчества сотрудников милиции «С Югрой повенчаны навеки» и сборника стихов и прозы участников литературного объединения г. Ханты-Мансийска «Самаровский ямб».

«Под чужими звёздами Кавказа» – четвёртая книга молодого писателя.

* * *

Мама, здравствуй, ты писем от сына
Из Чечни слишком часто не жди.
За стеной, закоптелой от дыма,
Шелестят по руинам дожди,
Когда я для тебя эти строчки
За столом у свечи тороплю.
За корявые буквы и точки
Извини, я почти уже сплю.
Полчаса, как вернулся из дота,
Из промозглости здешних ночей.
Сном волшебным забыться охота,
А проснуться в краю кедрачей.
Чтоб тебя, и жену, и сынишку
Поскорее увидеть, обнять,
И от грозненской пыли одышку
Лишь в кошмарах ночных вспоминать.
Срок придёт... И домой эшелон
Из Моздока к югорской земле
Я вернусь, к переулкам знакомым,
К берегам Иртыша и к тебе.

г. Грозный, 2000

* * *

В Грозном полдень. Передышка.
Здесь война лишь по ночам.
Посиди со мной, братишка,
Отдых дай своим плечам.

На закате вновь к бойницам,
К первой – ты, я – ко второй.
Не сомкнуться бы ресницам.
А пока глаза прикрой,

Не гляди с тоской на горы,
Отрешись от передряг.
Пусть приобские просторы
Вспомнятся тебе, земляк.

Крики чаек над водою,
Самоходок зычный бас
И рассветы над тайгою.
К чёрту Северный Кавказ!

Он и так ночами снится,
Словно я не засыпал:
В небе трассеров зарница,
В чёрной дымке перевал...

А пока что передышка.
В Грозном полдень, как в Москве.
Помечтай со мной, братишка,
О родимой стороне.

г. Грозный, 2000

* * *

Грозный в зареве пожарищ,
Он до мая «на замке».
У бойницы мой товарищ
Держит палец на крючке.

Мы опять глаза ломаем,
Хмуро вглядываясь в ночь,
И украдкой вспоминаем,
Я – про сына, он – про дочь.

Тихо в радиоэфире,
Лишь поддатый комендант
Тренирует в штаб-квартире
Командирский свой талант.

Снова выстрел одиночный
Мыслей бег моих прервал.
Да, коварен час полночный...
Только снайпер сплеховал –

Выше пуля пролетела,
В нашем доте без потерь.
Значит, брат, такое дело:
Долго будем жить теперь!

г. Грозный, 2000

* * *

До Сургута литерным составом
Из Чечни всего лишь суток пять.
Мы ещё пока в рассудке здоровом,
Но уже устали воевать.

Хочется домой, к родным рябинам,
Тут лукавить глупо, ни к чему.
Скоро май, земляк, и... по машинам —
К кедрочам, в югорскую весну.

Мимо блокпостов до перевала,
Дальше через Терек и в Моздок.
Перекур. Посадка. И с вокзала
Литерным. На северо-восток!

г. Грозный, 2000

* * *

Минувшей ночью снова был обстрел...
«Двухсотых» нет, за это выпьем чарку.
Не дремлет первый временный отдел,
Югорские ребята держат марку.

А впрочем, расслабляться недосуг:
Тревожны дни, ещё тревожной ночи.
В висках от напряженья крови стук,
И ближний взрыв бессонницу пророчит.

Глядит луна в провалы этажей,
Над Сунжею крадётся, как воровка.
Слышна лишь перекличка рубежей:
«Заря», на нашем в норме обстановка».

г. Грозный, 2000

* * *

Деревья в Грозном скорбно молчаливы,
Хотя всё реже перестрелки и бои.
На чёрные от гари ветки сливы
Не прилетят весною соловьи.

Немногие черешни, абрикосы
В апреле пышным цветом оживут.
Кислотный дождь роняет щедро слёзы,
Которые нещадно землю жгут.

Простреленный навывлет кипарис
Затягивает раны клейким соком,
А среди гильз расцвёл вчера нарцисс!
И... радостью пробило, словно током.

г. Грозный, 2000

* * *

Стальное горло автомата
От жгучих пуль раскалено.
Щелчок запала, и граната
Летит в разбитое окно,
Откуда выстрелы бандиты
Ведут по нашим рубежам.
Затихли, вроде, ваххабиты,
Знать, получили по ушам.
На час укроются в подвалах,
Чтоб совершить святой намаз,
И вновь стрельба в ночных кварталах,
В который раз, в который раз...

г. Грозный, 2000

Жене Светлане

* * *

Я по тебе соскучился, как птица,
Спешащая на север по весне.
Разлука наша четверть года длится,
И встречи наши только лишь во сне.

Ты, верно, тоже сильно стосковалась
И, засыпая, молишься: «Вернись!»
Всего неделя в Грозном мне осталась,
И я вернусь, любимая, крепись.

Военным самолётом из Моздока
К тебе на милый север прилечу.
Ты встретишь меня жарко у порога,
И я твою кручину излечу!

г. Грозный, 2000

* * *

На чужбине только две отрады:
Баня да из дома письмецо.
Даже «премиальным» так не рады,
А письмо – тут радость налицо!

«Здравствуй, милый! Как ты в этом Грозном?..»
И глаза предательски блестят. –
Ждёшь меня! И значит, невозможно
Умереть – пополнить павших ряд.

Вы пишите, милые, почаще,
Не грустите, что ответа долго нет.
Верьте, нет желаннее и слаще
Ничего нам, чем ваш ласковый привет!

г. Грозный, 2000

Сыну Фёдору

* * *

Под чужими звёздами Кавказа,
На чеченской огненной земле —
Далеко не воину спецназа —
Побывать, сынок, пришлось и мне.

Много раз бывал я под обстрелом,
Но молитва мамы сберегла,
Даже рикошетом не задело.
Рисковал, но смерть не обожгла.

Да, я видел смерть, и видел слёзы,
И по дому часто тосковал.
Снились мне сибирские берёзы
И угрюмый Мужинский Урал.

Как бы я желал, чтоб ты, сыночек,
В жизни никогда не воевал.
Я не избежал «горячих точек»,
Но хочу, чтоб ты их избежал!

г. Грозный, 2000

* * *

Дворовый пёс – такой же ветеран,
Коль две войны чеченских пережил.
На шкуре шрамы огнестрельных ран,
А в декабре Полкан контужен был.

Он и теперь на уши туговат,
Досталось – раньше срока одряхлел.
Но всё-таки дворняга страшно рад,
Что в этой бойне чудом уцелел.

г. Грозный, 2000

* * *

По развалинам месяц щербатый скребётся,
Тусклым когтем царапает уголь стропил,
Я сегодня в отгуле, так что мне неймётся,
Что не спится, ведь полночи час наступил.

Тихо вышел под звёзды, хоть зябко и сыро,
На созвездья чужие смотрю я с тоской.
Горный ветер Чечни дует властно и стыло,
Да урчит заунывно в траве козодой.

Долго выстрелов нет... Оттого и бессонно
Пью глазами разлитый в ночи Млечный Путь.
Лишь ракеты, одна за другой, монотонно
Режут траур войны... Не уснуть. Не уснуть.

г. Тюмень, 2000

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

(автобиографическое эссе)

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.*

Сергей Есенин

*О память сердца, ты сильнее
Рассудка памяти печальной!*

Константин Батюшков

Григорич, как позволял подчинённым без малейшего намёка на панибратство называть себя начальник штаба временного отдела Михаил Андреев, подошёл как-то после ужина ко мне и, будто что-то вспоминая, натужно-глуховатым, но высоким голосом спросил:

– Ты у меня сколько дней в отгуле не был?

Я изумился и прежде, чем ответить, даже успел про себя подумать: «Здорово же, наверно, сегодня Григорич набегался по службе, если такой вопрос вычудил».

– Четыре недели и два дня. Итого – месяц.

– То есть, как? – с недоверием опешил начальник штаба. – Постой-постой, мы ведь как раз месяц как в Чечню заехали. Так-нет?

– Так.

– И что?

– Вот, с самого начала командировки в отгулах и не был, – ответил я, внутренне радуясь удачному розыгрышу.

Григорич секунды три пристально смотрел мне в глаза, пытаюсь засечь обман или подвох, но тут же сообразив, что я ничуть не кривлю душой, широко усмехнулся в густые рыжие усы, протяжно хмыкнул и с теплотой в голосе прогнусавил:

– А ведь точно, дружище. Как же я тебя из виду-то упустил?..

Я молча пожал плечами, а сердце вдруг забилося чаще от неожиданных, искренне, по-отцовски заботливых слов Григорича.

Капитан тем временем дружески положил мне ладонь на плечо и, деловито размышляя, продолжал:

– Тогда, значит, так: завтра с девяти утра сутки можешь отдыхать... Как же я тебя из виду упустил? – после паузы с рассеянным видом снова повторил он, и, словно очнувшись от мыслей, уже уверенно закончил:

– Как-то я всё машинально тебя в графики боевых дежурств проставлял. Сегодня вот тоже два определил: с двадцати одного до часу, и с пяти до девяти.

– Знаю. Видел.

– Знаешь! А что молчал-то всё время? – с притворным недовольством вскинулся он. – Все уже по два раза в суточных отгулах были. Ладно, на вечернее дежурство я тебя кем-нибудь заменю, а утреннее всё-таки надо будет отдежурить. Ну, бывай! Да почаще мне глаза мозоль, – уже смеясь, торопливо проговорил Григорич, направляясь в дежурную часть, – а то вдруг потом опять забуду отгул дать! Всё – отдыхай!

Вечером я сидел в сумрачном кубрике, топил «буржуйку» и с добродушной усмешкой вспоминал последние слова Григорича. Легко сказать: «отдыхай». И рад бы заснуть, да где там. За минувший месяц организм настолько привык к жёсткому графику дежурств, что попробуй-ка переломи его по-новому устоявшийся режим, даже во благо ему. Нетушки! Только будешь без толку ворочаться на нарах да, как совёнок, таращить глаза в потолок, слушая ночную перестрелку.

Нет. Лучше уж так: сидеть при свете вздрагивающего от сквозняка лепестка свечи, придвинувшись поближе к жаркой «буржуйке», цедить из оббитой кружки сквозь зубы крепкий сладкий и, как на охоте, слегка припахивающий дымком чай и вспоминать мирную жизнь, далёкую милую родину.

Как всё-таки безмерно обостряются чувства человека к родным краям в условиях каждодневных боёв! Нигде я ещё не вспоминал с такой желанной тоской, с таким сладостным щемлением в сердце любимые места, как на войне. Сколько раз я ловил себя на том, что с зудящим, физически ощущаемым нетерпением жадно жду любого более-менее свободного часа, минуты, чтобы где-нибудь, совершенно неважно где, – в доте у бойницы в период тревожного ночного затишья, в послеобеденное время перекура, в малый про-

межуток между сном и усталой короткой дрёмой после очередной боевой смены, когда лишь одиночные выстрелы да сухие хлопки сигнальных и осветительных ракет нарушают нервозную тишину разрушенного опального города – можно будет молниеносно унести мыслями к незабвенным местам приобской земли. Земли, на которой родился и вырос, которая не только наяву, но и вот так, в воображении, радушно примет меня как самого дорогого и желанного. И можно будет без всякой робости, на правах сына, пройтись воспоминаниями по любым заветным уголкам, что с трепетом и святостью бережёт память, именуя одним простым словом: родное.

Доходило до того, что из-за постоянного недостатка свободного времени приходилось заранее «планировать», «заказывать» в уме, куда при ближайшей возможности устремить бег воспоминаний. Выглядело это примерно так: «Завтра у меня дежурство в доте днём. Четыре часа относительно спокойного времени. Без стрельбы, без напряжённого ожидания боевой тревоги. Значит, можно неторопливо «прогуляться» по Тильтимской дороге до Харьегана, а то и до Кузьёля. А сегодня перед сном малость «поброжу» в окрестностях Бурудана, поем лесной жимолости».

От такого мечтательного «планирования», мысленного ожидания уже загодя приятно щекотало в груди и как будто в бездонную пропасть радостно ухало сердце, напрочь забыв обо всех невзгодах и неизбывных трудностях военной жизни.

Так и сейчас, неподвижно сидя возле раскалённой стальной печурки, я без труда перенёсся мыслями в родное село Мужи.

Вот я в походной одежде с небольшим рюкзаком за плечами вышел из дома, стремительно спустился с высокого, в двенадцать ступеней, крутого крыльца, зашагал налево через узкий двор вдоль нашего трёхподъездного дома. В два шага перемахнул через деревянный короб теплотрассы, наискосок пересёк гулкую лежнёвку и споро пошёл по дощатому, местами вконец расхристанному, белёсо-серому тротуару в сторону зверофермы.

Навстречу мне проглядывает между домами лесистый косогор гряды Мужинский Урал – это последние невысокие отроги каменного Полярного Урала. Он дрёмно, невозмутимо взирает из-под хвойных век на сутулые холмы, на которых вдоль берега не тесно расстроились Мужи, и на всё низменное обширное междуречье Малой и Большой Оби, с его многочисленными озёрами, хитро петляющими протоками, сорами и сухими пугорами.

Далеко-далеко цепляет пристальный взгляд пойменные просторы с плоскими тальниковыми островами. А если даст погода подарок: безветрие да кристально чистый, без марева, воздух, и если по неожиданному оптическому капризу природы вдруг продавится земля, и выгнется, поднимется восточный горизонт, то увидишь воочию, на удивление – рядом, коренной правый берег Большой Оби. И не только крохотный Анжигорт предстанет, как на ладони, но и крепкое большое село Горки, что в шестидесяти километрах от мужевского берега.

Самому не довелось увидеть, но старожилы помнят и рассказывали, мол, однажды в конце августа какого-то года горизонт с севера настолько выгибался, что видны были не только Шурышкары и пойма Соби, но и даже Салехард можно было ясно разглядеть. А на северо-северо-западе, обманчиво близко, прям-таки за Ханты-Мужами выдавился в небо из-за нашего косогора сам Полярный Урал, и забелела в синеве величественная снежная шапка Пайера...

Все эти картины настолько красочно и подробно предстают перед внутренним взором, что в какое-то мгновение невольно забываюсь до такой степени, что, вдруг очнувшись от грёз из-за громко треснувшего в «буржуйке» полена, не сразу осознаю, что я за пять тысяч вёрст от приполярного Зауралья, простирающегося на границе Югры и Ямала между шестьдесят четвёртой и шестьдесят шестой параллелями Северной широты. И что за хлипкими, криво растрескавшимися после недавних частых бомбёжек стенами сырого кубрика совершенно другие горы, другие, незнакомые звёзды и абсолютно чужой для сердца пейзаж. Поэтому возбуждённое памятью сознание само по себе, без натуги старается побыстрее нырнуть из безрадостной действительности обратно в пучину желанных воспоминаний...

Заканчиваются последние дома, и я неторопливо иду вдоль забора южной части мужевского погоста. Могилы отца и крёстной матери Анны отсюда не видать, они в противоположной стороне кладбища. Об этом я успеваю вспомнить лишь мельком, увлекаемый течением мыслей всё дальше и дальше.

За последними крестами начинается умеренно крутой спуск к Югану – небольшому таёжному притоку Малой Оби, извилисто огибающему Мужу с запада и севера. Спуск к сырой пойме Югана, чем ближе к воде, тем больше изуродован глубокими рытвинами с

застоявшейся рыжей водой. Летом верхний слой вечной мерзлоты успеваает на полметра оттаять, глинистая почва набухает водой, раскисает, и имеющие обыкновение пастись здесь сельские коровы и лошади без труда продавливают копытами тонкий дёрн, погружаясь в топкую неверную твердь порой чуть не по колено.

Спускаться по таким колдобинам – приятного мало, по неосторожности и ногу ничего не стоит подвернуть. Но это в действительности, а в мыслях все эти кочки и ямины значения не имеют. В мыслях легко быть невесомым.

Вот я уже перебрёл по каменистому мелководью Юган, ещё раз оглянулся на село и знакомой тропой углубился в тайгу в сторону раскорчёвки.

По времени года мне сейчас представился август. Благодатная в большинстве случаев пора для нашего края, если не надвинутся, не перевалят из-за уральских хребтов затяжные ленивые циклоны со своим пасмурным характером и продолжительными, хотя и тёплыми ещё, дождями. Но всё-таки чаще это удел сентября. А в августе погода по возможности старается баловать последней благодатью мужевский околоток.

Только-только закончились белые ночи полярных широт. В ночь с четвёртого на пятое августа в белёсом сумраке неба, почти в зените, неуверенно, словно с опаской, но, тем не менее, проклюнулась слабым, трепещущим лучиком первая звезда. Это Вега из созвездия Лиры. Пройдёт дней десять, и в меркнувшем небе появятся новые мерцающие вехи-ориентиры: Капелла, Альдебаран, Денеб, Алголь. Полярная обозначится на небосводе чуть позже. Она хоть и считается по праву основополагающей звездой в Северном полушарии, но всё-таки много слабее своих более ярких космических подруг и не в силах сразу победить слабеющую летнюю власть земного светила в высоких широтах.

Чем ещё замечателен август в Приполярье? Многим. Уже нет изнуряющих полчищ гнуса, ощутимо меньше надоедливых комаров. Солнце хоть и стало день ото дня всё больше скатываться к южной стороне горизонта, но ещё ласкает землю последним теплом, ещё довольно быстро и уверенно разгоняет воровато стелющиеся по утрам вдоль берегов Оби и проток рваные клубы тумана. В тайге наливаются соком осенние ягоды, вздыбливают бугром и властно разламывают мох тугие шляпки молодых грибов, зреют под смолистой чешуёй шишек вкусные кедровые орехи.

Все эти наблюдения из прошлого исподволь всплывают в памяти, пока я неспешно поднимаюсь по склону на вершину первого холма к раскорчёвке. Сейчас она уже не может в полной мере оправдать своё название. В былое время облысевшая после вырубки леса ровная вершина невысокого увала теперь во многих местах заново оделась берёзовым и осиновым молодняком, а кое-где уже свежо зеленеют маленькие островки кедрача в половину человеческого роста.

Мысли послушны обрётённым в минувшие года впечатлениям и обычаям, поэтому даже в плену воспоминаний я по сложившейся традиции, хотя и не устал, делаю здесь первый короткий привал.

Стройный осинничек звонко, шумно аплодирует моему появлению. Его чуткие к дыханию ветра листья-ладошки уже блёкло-зелены. Совсем скоро остывающая земля замедлит ток живительного сока от корней к листве, и кроны до неузнаваемости преобразятся, яро заогневеют на фоне неизменной малахитовой густоты кедрача и ельника.

До чего же хорошо присесть где-нибудь возле ветвистого куста карликовой берёзы, а ещё лучше расслабленно повалиться спиной на пёстрый моховой ковёр и, запрокинув голову, через полусмеженные от солнечного света веки скользнуть умиротворённым взглядом по низким неторопливым облакам, попутно воображая в причудливых очертаниях небывалых существ, и навсегда провожать их за близкий, отороченный неровными зубцами тайги окоём.

Почему-то именно здесь я чаще всего с незлой досадой вспоминаю Сергея Есенина. Каждый раз переполняет сожаление, что этот замечательный, горячо любимый мною поэт родился не на мужевской земле. Для меня он навсегда останется непревзойдённым певцом родного края. Всё мечталось, вот если бы ему довелось быть моим земляком! Как искренне, точно и сочно был бы воспет моршковский край! Невольно охватывает смущение за свои куда более скромные литературные способности. Он-то не видел никогда всех здешних красот, а я не только родился, но и вырос на этой богатой, разноликой земле, кому как не мне поделиться с людьми гордостью за свою суровую родину и переполняющей сердце любовью к ней. А всё боюсь, что не сумею, не найду верных слов.

Как всё-таки здорово, непритворно и легко, без малейшей вымученности, ещё в начале прошлого века Есенин восторженно вы-

дохнул о своей рязанщине: «Гой ты, Русь моя родная...». Возможно, в тот день, когда появились эти проникновенные строки, поэт был далеко от Константиново, но так же, как я сейчас, ожившей памятью сердца, всей своей сутью находился там, где-нибудь в просторах приокских лугов, прислонившись плечом к любимой берёзе-шептунье.

Первый раз я услышал и запомнил на всю жизнь эти есенинские строки от мамы.

Шёл 1982 год. Вторая половина марта. Месяц солнечной зимы. У народа ханты он именуется образом-приметой: «месяц появления наста». У нас в низовьях Оби, на «опушке» Северного полярного круга, пора весеннего равноденствия обычно мало отличается от календарной зимы. Ещё продолжают уверенные морозы, случаются снегопады, а то и, глядишь, запуржит дня на два.

Но всё-таки есть одна неоспоримая примета весны: восход за восходом всё более длинные световые дни. А если выдастся ясный с отчаянной синевой небес день, то ослепительно белые, ещё и не помышляющие таять сугробы беспощадно, до рези бьют по глазам отражёнными лучами набирающего силы светила.

Вот в такой погожий день, в выходной, мама впервые отважилась взять меня в далёкую пешую прогулку по Тильтимской дороге. Мне было уже девять лет. Год назад подобное путешествие по тайге при всём желании не могло состояться. В январе 1981 года мама родила моего младшего брата Юру, и всё её время уходило на обычные материнские хлопоты.

Теперь брату уже шёл второй год. Мама со спокойным сердцем оставила Юру на попечение тёти Нюры и дяди Андрея Чупровых, моих крёстных, и вскоре мы были на околице села.

До кораля, конечной цели нашего путешествия, от Мужей километров пять или шесть, смотря откуда начинать отсчёт. Всего-то час пути для взрослого человека, но мы с удовольствием растянули дорогу в один конец на два с половиной часа.

Торопиться нам было некуда да и ни к чему. Мы шли, часто останавливаясь, то разглядывая и угадывая на снегу следы лесной живности, то удивляясь замысловатым снежным нахлобучкам на верхушках молодых елей, то подолгу любясь живописными видами тайги, открывающимися за каждым новым поворотом неуклонно поднимающейся вверх дороги.

Почти на подходе к коралю мама случайно обернулась назад и мгновенно остановилась. Я семенил сзади и от неожиданности ткнулся головой ей в живот.

— Посмотри-ка! – заворожённо, восхищённым шёпотом проговорила она, кивнув туда, куда был устремлён её пристальный взгляд.

Я оглянулся и тоже оцепенело замер, приоткрыв от изумления рот.

Мы стояли на вершине высокого увала. (Поздней я узнал, что укрытые тайгой отроги Мужинского Урала в самой высокой точке не дотягивают до трёхсотметровой отметки над уровнем моря лишь каких-то одиннадцать метров). Оснеженное междуречье Малой и Большой Оби вогнутой лепёшкой расползлось от кромки леса до непривычного, неимоверно далёкого горизонта, убежавшего к востоку на добрые полсотни километров.

В следующее мгновенье я увидел Мужу и на секунду испугался: так далеки и крохотны были они! Но почти сразу короткий испуг сменился радостным удивлением при виде махоньких чуть ли не игрушечных домишек: «надо же, как мы далеко и высоко забрались!».

И вот тогда, среди торжественного безмолвия, когда у меня то и дело от избытка чувств перехватывало дыхание при увиденном впервые ошеломляющем и воистину величественном зрелище, за спиной тихо, но ясно зазвучал голос мамы:

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.

Слова слетали с её губ неторопливо, напевно. Мой взгляд был очарован бескрайними заречными далями, и я слушал маму не обращившись, но с жадностью впитывая сознанием каждое слово стихотворения, казавшегося мне чудесной волшебной клятвой в любви к родной земле. В том, что это клятва, я уже несколько не сомневался, когда мама более торжественно, как заклинание, закончила:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

— Это Сергей Есенин написал, — сказала она с благоговением после некоторого молчания.

Возвращаясь назад, мама ещё не раз повторяла вслух это стихотворение, чтобы я лучше запомнил его, и мы оба с каким-то особенным наслаждением, восторгом неожиданного открытия снова и снова ласкали слух двумя последними строчками первого четверостишия.

Этот эпизод из детства припомнился попутно, и я вновь мысленно перенёсся обратно на раскорчёвку. Короткий привал позади. Напоследок переворачиваюсь со спины на грудь, приникаю подбородком к податливому прохладному бархату кукушкиного льна и с наслаждением глубоко вдыхаю его влажный травянисто-пряный запах. На расстоянии вытянутой руки замечаю одинокий игольчатопушистый стебелёк водяники с тремя налитыми тёмными ягодами, тянусь к нему и осторожно срываю нежные сочные бусины. Раздав их о небо, с удовольствием ощущаю, как растекается по языку хорошо утоляющий жажду, лишь чуть-чуть сладковатый сок.

Только после этого поднимаюсь и уверенно иду дальше.

Вскоре тропа, повиляв по вершине холма, начинает незаметно убегать вниз, в ложбину, и вот почти теряется в сыром, безлесном, густо заросшем лишь карликовой берёзой распадке. По многим приметам чувствуется близость таёжного сойма, именуемого Первым Ручьём, который, замысловато виляя между увалами, впадает в Юган как раз напротив сельского кладбища.

Под ногами начинает звучно с причмокиванием чавкать густая почти чифирного цвета жижа. Это от торфа. По всей видимости, в стародавние времена на месте нынешнего распадка было болотце. Потом оно поднялось, захирело, а вековые слои сфагнума перегнили, переродились в торф. Но, наверно, бьётся ещё где-то в глубине слабая жилка одинокого ключа-живуна, которая и не позволяет пока зреющему торфянику обрести большую прочность. Видать, не время ещё. Потому-то и приходится идти торопливым шагом, а замешкаешься, то и из сапога запросто выскочишь.

Минут десять спорой ходьбы, и под ногами перестаёт хлюпать. Вновь обозначается твёрдая тропинка и вдруг обрывается. Вернее, здесь её «устье». Проводив меня через первые ближние к Мужам увалы, она «вливается» в «левобережье» Тильтимской дороги метров на сто двадцать выше Первого Ручья...

Ближний разрыв осколочного выстрела гранатомёта безжалостным толчком швырнул меня через тысячи километров, заставил вздрогнуть и невольно открыть глаза.

Чечня. Почти полночь. Я обвёл взглядом полутёмный кубрик. Укреплённая в пустой консервной банке свеча на две трети оплавилась, пламя на сквозняке судорожно трепетало, металось из стороны в сторону, и, чадя, сердито потрескивало. Снаружи, со стороны площади Минутка, слышалась автоматная очередь. И сразу вслед за ней захлёб застрочили ещё несколько АКМов.

Это окончательно вернуло меня в суровую действительность войны. Осознание этого, грубо нахлынув, повергло в тоску и отозвалось саднящей болью в груди. Чтобы развеять это, сродни шоковому, состояние, я заставил себя подняться с колченого стула, открыл дверцу печки и подбросил в топку на рдеющие угли новые поленья. Пошаив густым дымом, они шумно вспыхнули жадным огнём.

Его бойкие языкастые всполохи напомнили мне ночные таёжные костры в сезон охоты, когда вот так же жизнелюбиво пляшет пламя по сухим веткам, потрескивая и с тонким свистом вгрызаясь в смолистый замшелый валежник.

Недаром говорят, что созерцание открытого огня чудодейственным образом очищает, просветляет душу. Тяжёлое чувство и вправду постепенно отлегло от сердца, даже наоборот – неуловимо переродилось в тихую радость.

Я неожиданно понял, что наперекор всему доволен сегодняшним вечером и по-своему счастлив. Мне удалось на целых два часа обмануть войну. Пускай не наяву, а памятью сердца, силой воображения, но я устроил себе настоящий праздник: короткую побывку в родном крае. И ничто другое не способно тягаться с этой наградой.

Понимание этого подействовало на меня, как стакан спирта. Тело приятно расслабилось, и я почувствовал, что хочу спать. Раздевшись, я забрался по простой, но крепко сколоченной лесенке на свои верхние нары. Ни холодная жёсткая постель, ни безнадёжно отсыревшая от промозглого климата Чечни подушка, ни продолжающаяся перестрелка не могли сейчас нарушить моё умиротворённое состояние.

Я коротко помолился и быстро задремал с единственным желанием, чтобы мне приснилась родина.

г. Ханты-Мансийск, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	4
«Мама, здравствуй, ты писем от сына...».....	5
«В Грозном полдень. Передышка...».....	6
«Грозный в зареве пожарищ...».....	7
«До Сургута литерным составом...».....	8
«Минувшей ночью снова был обстрел...».....	9
«Деревья в Грозном скорбно молчаливы...».....	10
«Стальное горло автомата...».....	11
«Я по тебе соскучился, как птица...».....	12
«На чужбине только две отрады...».....	13
«Под чужими звёздами Кавказа...».....	14
«Дворовый пёс – такой же ветеран...».....	15
«По развалинам месяц щербатый скребётся...».....	16
Память сердца (автобиографическое эссе).....	17

Павел Рудольфович Черкашин

ПОД ЧУЖИМИ ЗВЁЗДАМИ КАВКАЗА

Стихи и автобиографическое эссе

**Выпускающий Т.Ю. Усманова
Технический редактор С.Н. Черкашина
Художник Л.А. Вторушина
Оператор верстки Л.Б. Фомин
Корректор П.Р. Черкашин**

**Оригинал-макет, верстка, цветоделение обложки,
печать выполнены ГУИПП «Полиграфист»**

Изд. лиц. ЛР № 040869 от 14.01.98 г.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBook.

Печать офсетная. Усл.п.л. 1,62. Подписано в печать 13.05.2002 г.

Тираж 1000 экз. Заказ № 343.

ГУИПП «Полиграфист»

**Ханты-Мансийский автономный округ Тюменской области,
628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46. Тел. 3-29-84**

X

74192004
Окружная библиотека

Павел Черкашин

ПОД
ЧУЖИМИ ЗВЁЗДАМИ
КАВКАЗА

ПОЛИГРАФИСТ
Ханты-Мансийск